

Куда? Зачем? Хотя
Он что-то знал про это.
А я ни знать, ни жить,
Ни верить не хочу.

Ноябрь 2005

Ю. А. Русина

КРЫМСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Свет и бездонность...
И кажется, что вот-вот ступишь
на тонкую полосу
между Небом и Морем.
Шагнешь, чтобы немного побалансировать,
покачаться, пока не решишь,
в какую сторону упасть —
в Небо или в Море...

ДАЛЕКО...

Берег был так далеко, что люди казались точками, а сам он — желтоватой полоской. С противоположной стороны такой же полоской виделся горизонт: тонкая грифельная линия между синим и синим. Темно-изумрудная, мускулистая толща соленой воды надежна и ласкова. Она обволакивала тело, качала, гладила, звала туда, в глубину. Но страха не было. Напротив, назад возвращаться не хотелось.

Марта набирала в легкие побольше воздуха, вытягивалась в струнку, выбрасывала вверх руки и выпрыгивала из воды, повыше, чтобы в следующую секунду уйти вниз, под воду, как можно глубже. Ощувив мягкие, но властные объятья стихии, она затем понимала ее силу, ее нежелание этого своевольного вторжения, когда чувствовала, как мягко, но неудержимо море выталкивает вверх, наружу ненужную ему загорелую и тонкую девичью фигурку. Но все-таки Марта угадывала, что она здесь не чужая. Может она и не нужна этому великану, но ведь он принимает ее на короткое время, дает понежиться в своих владениях, ощутить блаженство мокрых и сильных прикосновений, насладиться запахами, цветом, музыкой движений.

Перевернувшись на спину, девушка разбрасывала руки в стороны и качалась на широких гладких качелях волн. «Блаженство», — думала Марта, и в свои пятнадцать лет не ошибалась. Пожалуй, ничего более чувственного в своей жизни она не испытывала, даже став совсем взрослой и познав другие наслаждения.

Плыть обратно было лень. Почему-то путь к берегу оказывался дольше и труднее, чем к горизонту. Усталость уже завладевала руками, дыхание сбивалось на прерывистые всхлипы, а «точки» на пляже все никак не увеличивались. Чуть покачиваясь, она, наконец, вышла из волн на берег и с выдохом, обессиленная, легла на горячий песок. В висках стучали звонкие молоточки, огромное сердце заполняло всю грудную клетку и билось, как тревожная птица, стараясь вырваться из горла. Но Марта счастлива своей тайной: никто не заплывает так далеко, никому море не светит такой зеленью в глаза. Постепенно людские голоса возвращали ее в мир неба и солнца, винограда и персиков.

Приближался ежедневный в этой части полуострова шторм. Размашисто-широкие морские жесты забирали под свою власть все больше и больше суши. Песок под ними становился темным, плотным, пружинистым, обнажая гладкие разноцветные камушки и давая секунду жизни отпечаткам пальцев и пяток. Подстилки передвигались все дальше и дальше от берега, к краю пляжа, где он граничил с выжженным солнцем лавандовым полем. Ветер все нагонял тучи, и море окрашивалось в сурово-фиолетовые тона.

Пожилая женщина, неловко ступая по темному песку, ловила волны, стараясь сполоснуть купальник. Ветер рвал из ее рук небольшой кусочек ткани, обдавая брызгами. Марта, замерев, смотрела на маленькую фигурку, которую, казалось, вот-вот поглотит неукротимая стихия, сомкнув половинки раковины Неба и Моря на линии Горизонта, и думала о Вечности.

Посвящаю столице Боспорского царства.

Маленький белый домик стоял на берегу залива.

Он вышел на крыльцо, вдохнул запах шелковицы, протянувшей старые ветви с черными ягодами к самым окнам, и сбежал со ступенек. Повернув за угол дома, прошел мимо только что политых и пряно пахнущих красно-зеленых кустов помидор, погладил рукой свисающий с ветки, еще неспелый, персик и толкнул калитку, ведущую на дуг.

Трава была уже сухой, тронутая южным солнцем. Он зашагал напрямик, раздвигая коленями спутанные заросли. Поздоровался с двумя козочками, как обычно задумчиво стоящими в траве белой и черной шахматными фигурками.

Решив не огибать холм, преграждавший путь к морю, ступил на тропинку, ведущую наверх. Пахло полынью и водорослями. С каждым шагом ветер становился все сильнее, оставляя на губах влажную соль.

На вершине лежали валуны причудливой формы. В одном из них, похожем на кресло, сидела она. Ветер трепал ее выгоревшие, короткие волосы и светлое платьишко, открывая загорелые колени. Она смотрела вдаль, на тонкую полоску горизонта между небом и морем. Пристально. Прищулив зеленые глаза. Он наклонился к ней, вдохнул теплый запах пропитанной солнцем и морем кожи и позвал по имени. Ветер тут же подхватил звук его голоса, и это имя буква за буквой обрушилось в прибой.